

РУССКИЙ ЯЗЫК / RUSSIAN LANGUAGE

Т.В. Самосенкова, Е.Б. Назаренко
T.V. Samosenkova, E.B. Nazarenko

ВОСПРИЯТИЕ ЗНАКОВ И ВЫРАЖЕНИЕ ИХ В ОЦЕНОЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

PERCEIVING SIGNS AND EXPRESSING THEM IN ASSESSMENT DEFINITIONS

В статье рассматривается язык как совокупность знаков и как общественное явление. По мнению авторов, язык отражает как индивидуальное, так и общественное сознание, а его развитие находится в тесном взаимодействии с развитием общества. Авторами анализируются языковые единицы с точки зрения коммуникативного намерения говорящего и речевой ситуации, а также дается развернутая классификация оценочных определений, от выбора которых зависит воздействие на реципиента и понимание им содержания высказывания в совокупности его когнитивной и эмоциональной составляющих.

Ключевые слова: язык, общение, языковая единица, знак, значение, ситуация речевого общения.

The article examines language as a set of signs and as a social phenomenon. According to the authors, language reflects both individual and social consciousness, and its development is closely linked to the development of society. The authors analyze linguistic units from the perspective of the speaker's communicative intention and the speech situation, and provide an extensive classification of evaluative definitions, the choice of which determines the impact on the recipient and their understanding of the content of the utterance, including its cognitive and emotional components.

Key words: language, communication, linguistic unit, sign, meaning, situation of verbal communication.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-66-3-76-81

Вопрос о взаимодействии языка и общества и сегодня требует осмысления.

Ф.Ф. Фортунатов писал: «Язык представляет... совокупность знаков главным образом для мысли и для выражения мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований». Универсальной формой отражения окружающего мира человеком и отношения к нему является знак. В.В. Виноградов отмечал, что «слово одновременно знак мысли говорящего и знак всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [9, 21].

Язык располагает богатыми возможностями для выражения человеком в речи самого себя, ведь кроме субъективно ориентированного *Я* есть и другие средства: интонация, сочетание слов, порядок слов, а также лексические единицы, в которых это *Я* присутствует имплицитно. Особое место в этом ряду занимают единицы лексико-семантического уровня языка в силу наиболее развитой способности дифференцировать экспрессивные качества высказываний. По мнению Ш. Балли, не бывает ни абсолютно рассудочных, ни абсолютно эмоциональных речевых фактов, имеет значение только пропорция, в которой они представлены. Значение – это содержание языкового знака, образующееся вследствие отображения внеязыковой действительности в сознании людей. Значение языковой единицы в системе языка *виртуально*, т.е. определяется тем, что данная единица может обозначать. В конкретном высказывании значение языковой единицы становится *актуальным*, поскольку единица соотносится с конкретным объектом, с тем, что она реально обозначает в высказывании. С точки зрения культуры речи для говорящего важно четко направить внимание собеседника на актуализацию значения высказывания, помочь ему в соотношении высказывания с ситуацией, а для слушающего важно проявить максимум внимания к коммуникативным намерениям говорящего. Как нам представляется, эта пропорция зависит от коммуникативной задачи, которую ставит перед собой говорящий, например, проинформировать собеседника или воздействовать на него, и уже потом задача диктует выбор языковых единиц. В отличие от реальных речевых фактов, когда все решает пропорция, языковые единицы четко делятся в сознании говорящего на экспрессивные, выражающие чувства и оценки, и нейтральные, уместные в любой речевой ситуации, ситуативно ограниченные, номинативные.

В стилистически маркированных словах, а эмоциональные средства всегда маркированы, говорящий всегда выражает свое отношение к речевой ситуации, собеседнику, предмету, к цели высказывания, т.е. оценивает тип речи. Нейтральные слова также могут использоваться говорящим для выражения отношения к явлениям, причем может быть заложена в них и особая оценка, и особое их толкование. Формой манифестации такого отношения является словосочетание, в котором оценочное слово выступает в переносном значении, т.к. оно закреплено за определенным речевым жанром.

Говорящий производит выбор эмоционально окрашенных слов при их использовании, обязательно оценивая ситуацию общения, а эта оценка выражается в выборе лексических средств. Например, при выборе слов: *сумятица*, *драндулет*, *афера* говорящий понимает, какую информацию они несут, оценивает ситуацию речевого общения при их выборе как неофициальную, а дистанцию между ним и слушающим как минимальную. В подобных, предметно ориентированных словах говорящий выражает и отношение к референту. Отметим, что денотат слова *драндулет* очень широк: велосипед, мотоцикл, автомобиль, трактор. Предметный смысл этого слова диффузен, логическая связь подавляется эмоциональной. А, следовательно, подтверждается закономерность: всегда меньше смысла там, где много эмоций. Семантические особенности слова *драндулет* таковы, что по семантической градации оно попадает в разряд оценочных, характеризующих, а не идентифицирующих знаков. В нем представлена оценка предмета, и она эксплицирует не объективные свойства предмета, а отношение субъекта к нему. Этим словом можно назвать и очень хорошую машину, если субъект демонстрирует раскованность в ситуации неофициального общения, а также продемонстрировать незаинтересованность предметом, пренебрежение к нему. Таким образом, в знаке говорящий характеризует объект, а знак характеризует говорящего. Например, слово *частокол* в языке нейтрально по своему стилистическому статусу, в переносном значении реализуется не только сема *много*, но и отрицательная оценка того явления, которое связано синтагматически с этим словом: частокол терминов, ракет и пр. Эта пейоративная окраска подтверждается таким несуразным словосочетанием, которое встретили в работе студента С., как *частокол ресниц*. Оно демонстрирует авторскую нечувствительность к коннотативным нормам сочетаемости.

В художественном тексте нарушение норм сочетаемости является формой проявления авторской позиции. Говорящий/пишущий демонстрирует свое ироническое отношение к сообщаемому, сознательно нарушая нормы сочетаемости слов, он намеренно сталкивает семантически противоположные слова, даже если они нейтральны. Так у А. Платонова в повести «Ювенильное море» читаем: «Он отрекся в газете от своего чуждого мировоззрения». Слова *чуждый* и *свой* сами по себе констатируют факт. Слово *чуждый* – далекий по взглядам – оценочное прилагательное, его нельзя назвать нейтральным, хотя оно не имеет стилистической пометы в словарях. Сочетание *чуждое мировоззрение* – это штамп политического языка. В повести Платонов описывает своего героя как объект чужой оценки, поэтому слово *чуждый* в этом контексте воспринимается как цитация чужих слов. Мировоззрение героя оценивается как чуждое не автором, не героем, а той социальной средой, которой принадлежит герой повествования. Свое отношение к сообщаемому, оценку способа выражения мысли и прочие субъективно-модальные значения говорящий выражает лексическими средствами, которые В.В. Виноградов назвал «модальными словами» – модальные частицы, вводные слова, междометия. «В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения», – писал ученый [9, 32]. Под действительностью имеется в виду окружающий мир, а также мир внутренний, психический. Но проявлением отношения к действительности может быть и целое высказывание, и словосочетание, и отдельное слово, т.е. сам знак. Э. Бенвенист писал: «Говорящий присваивает формальный аппарат языка и выражает свой статус говорящего посредством специальных показателей, с одной стороны, и с помощью различных вспомогательных приемов – с другой» [5, 29]. Слова, в которых происходит оценка знака, и являются одним из видов вспомогательных приемов, манифестирующих присутствие говорящего в высказывании.

Отношение к знаку проявляется в оценочных определениях, которые можно разделить на несколько групп по значениям их оценки: эмоциональные, эстетические, этические, рациональные, лингвистические.

Эмоциональная оценка представлена оценочными определениями, выражающими ощущения:

1) температуры (холодный/горячий): «Ты послушай сам: любовь...какое сильное, горячее слово! Природа... какое холодное школьное выражение» (И. Тургенев «Накануне»);

2) скорости (быстрый/медленный): «...ветер – стремительное слово (И. Штемлер «Поезд»);

3) состояния (страха/скуки/веселья): «гибель, крах, распад – пугающие слова (из газеты); «Остановились они в селе с угрюмым названием Мурыжиха (В. Астафьев «Место действия»); хмель, оглобля – веселые слова (из разговора).

В большинстве перечисленных случаев основанием оценки является предметно-логическое содержание слова. Многомерность оценки обуславливается характером семантики многих прилагательных, выступающих в роли оценочных определений, а именно их синкретизмом.

Говорящий способен эстетически оценивать речевые факты в своей повседневной речевой практике. Это эстетическое переживание говорящего запечатлено в оценочных определениях слов. В эмоциональных и эстетических оценках раскрывается тот образ слова, который хранится в языковом сознании коллектива или индивидуума. В основе этого образа лежат ассоциации, вызываемые явлением, отраженным в слове, либо его звуковой формой.

Этические оценки слов немногочисленны. Они выражаются такими оценочными определениями, как уважительный/неуважительный, приличный/неприличный и др. Один из постулатов общения предписывает выражаться ясно и понятно. В рациональных оценках слова раскрывается осознание говорящим несоответствия функции слова его

семантическому статусу, несоответствие имени называемому явлению. Если мы используем слова, обозначающие отрицательные черты характера человека, негативные явления общественной жизни в прямой функции, то они выступают в роли слов-разоблачений. Поэтому, если говорящий использует чересчур откровенные слова, хотя и справедливые, он рискует разрушить не только доверительную дружескую атмосферу общения, но и дружбу в целом. Если говорящий преследует определенную цель: нанести обиду собеседнику, то он выбирает определенные слова, обычно же осознавая неприятность для собеседника определенных выражений, он заменяет их эвфемизмами. Общественная жизнь и ее условия тоже могут накладывать запрет на использование резких выражений. Наплыв эвфемизмов в современной прессе обусловил требование называть вещи своими именами: *мошенничество* вместо *приписка*, *карцер* – *изолятор*, *анонимка* – *письмо без подписи*, *порок* – *болезнь* и пр. Категоричность видовых слов смягчают слова родовые, в которых дифференциальные семы, отражающие существенные особенности лингвистически осознанного явления, не представлены, поэтому коннотации денотативные (референтные) у этих слов отсутствуют: слова *фальсификация*, *подлог* заменяются словосочетанием *процессуальные нарушения*. Эти деликатные слова осознаются носителями языка как не соответствующие обозначающим явлениям, т.к. не называют отрицательных общественно значимых явлений своими словами.

Лингвистические оценки слов представлены параметрами «торжественности», «разговорности», «новизны/архаичности», частотности. В сознании носителей языка имеется социальное предписание употребления слов. Это могут быть будничные, торжественные, поэтические, прозаические, архаические не только и не столько в лексикографических описаниях, сколько в языковом сознании говорящих. Приведем оценочные определения, ассоциации которых обусловлены ситуацией общения (обыденность/торжественность): *вдохновение* – высокое слово, *творчество* – торжественное, *пророк* – возвышенное, *истина*, *призвание*, *подвиг* – громкие слова. Если слово высокое, торжественное используется для обозначения вещей обыденных, то оно воспринимается как неуместное, нелепое: *Рассыпалась деревянная церквушка, пышно именуемая храмом*.

В лингвистических стилистических оценках слова выражается осознание говорящим несоответствия функции слова его стилистическому статусу, несоответствие ситуации общения.

Слова имеют разную перлокутивную силу. Некоторые слова оцениваются говорящими как скромные: нехитрое строение однодневного дома отдыха для солидности именуемого профилакторием (В. Астафьев «Место действия»). Престижные, социально значимые явления передают свою значимость словам, их именующим. Поэтому мнемонически и слова оцениваются как престижные, придающие значимость говорящему.

Последнюю группу составляют оценочные определения, выражающие профессиональную дифференциацию слов. Профессиональный термин используется как адекватное обозначение существующего в науке понятия. Он не обладает никакой коннотацией. Но говорящий может использовать термин и в общезыковой среде в прагматических целях, например, произвести впечатление. Термин может быть употреблен и в номинативных целях. Это не что иное, как цитирование, т.е. говорящий сам отмежевывается от него; это кавычки, вводные слова, оценочные определения. При этом одновременно дается его обиходный эквивалент, вводимый оценочным наречием или вводной конструкцией: *логоневроз* – *попросту заикание*; *протекционизм* – *попросту бласт* и др.

В оценочных определениях слов видим выражение тех ассоциаций, которые связаны со словом как знаком многомерных явлений действительности и как лингвистическим паспортом говорящего, т.е. с его социально-личностной характеристикой. Осознание говорящим принадлежности слов к определенному функциональному стилю выражается обычно вводными конструкциями: *говоря полувоенным языком*, *делать ставку*; может

выражаться и оценочными определениями: *человеческий фактор* – политический язык. Функциональное сходство вводных конструкций и оценочных определений слов заключается в том, что они эксплицируют отношение говорящего к тем языковым средствам, которые используются в речи.

В.В. Виноградов, анализируя модальные слова этой группы, отметил их особенность: «...говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли, поэтому он делает оговорки, заметки» [8, 12]. Выбор – это диалог с самим собой. По словам М.М. Бахтина, «отбор всех языковых средств производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [4, 35]. Реакции, которые прогнозирует говорящий, рисуют портрет адресата. Так комментирующие текст модальные слова свидетельствуют о том, что слушающий – критик, а говорящий ищет благосклонности и смягчает категоричность, или о том, что говорящий не хочет быть категоричным. «Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании», – отмечает А. Вежбицка [6, 22]. Именно она назвала высказывание о высказывании (или его частях) в тексте метатекстом, т.е. авторским комментарием, по сути – диалогическим. Сама же идея диалогичности вводных слов заложена еще в работе В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке». «Многие выражения этого типа, – писал ученый, – носят ярко выраженный отпечаток диалогической речи. Они вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [10, 56].

Оценочные слова при знаках тоже имеют характер авторского комментария к собственным словам, но комментария, часто эмоционально окрашенного. Прагматическим фокусом высказывания в этом случае является оценочное определение метатекстового характера.

Метаоценки (метатекстовые оценочные определения) отличаются от всех слов, с которыми их можно сопоставить. Оценочные определения субъективны в отличие от дескриптивных, раскрывающих объективные свойства субстанции. «Аксиологические утверждения больше характеризуют субъект оценки, чем ее объект», – утверждает Н.Д. Арутюнова [2, 41]. Они определяют впечатления, которые производят на говорящего, а не объективные оценки этого впечатления. В чем же отличие оценочных определений слова от оценочных определений явления? Они в разном статусе текста. Отношение говорящего к слову выражается в оценочных предложениях, а в аксиологических утверждениях мы видим отношение говорящего к описываемому явлению действительности. Определения слов носят метатекстовый характер. И оценочные определения отличаются от вводных слов и конструкций в их согласуемости с определяемым словом, в их грамматической зависимости и многообразии значений, которые они выражают. Количественный и качественный вклад метатекста в текст является, по мнению А. Вежбицкой, одним из существенных показателей стилистических различий» [7, 11]. Стилистический портрет говорящего также определяет употребление метаопределений. Знаком оценивается действительность и знаком оценивается знак как часть этой действительности.

Таким образом, изучение восприятия знаков и выражения его в оценочных определениях один из аспектов прагматического описания языка, при условии, если под прагматикой понимается выражение отношений говорящего к описываемой действительности, а под действительностью подразумевать и язык, и действительность мысли.

1. Антипов Г.А., Марковина И.Ю., Донских О.А., Сорокин Ю.А. *Текст как явление культуры*. Новосибирск, 1989.

2. Арутюнова Н.Д. *Предложение и его смысл*. М., 1976.

3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические свойства языка. М., 1974.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / 2-е издание. М., 1986.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
6. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001.
7. Вежбицка А. Язык. Культура. Понимание. М., 1996.
8. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
9. Виноградов В.В. Русский язык. Учение о слове. М., 1972.
10. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. М., 1988.